

ПОЧЕМУ Л.Н. ТОЛСТОЙ ЗА МИТРОФАНУШКУ ЗАСТУПИЛСЯ?

Вместо предисловия

Я не предполагаю, а даже наверно знаю, что едва читателю попадутся слова: «занимательная география», он тотчас же скажет:

— Гм... Занимательность и география... Несовместимо!

И вспомнит Пушкина:

«...вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой».

Вы помните, может быть, у Чехова необычайно тоскливый персонаж, который не

находил лучшего, как постоянно и неизменно произносить удручающе общеизвестные истины, совершенно неспособные ни пробудить какую-либо мысль, ни возбудить какой-либо интерес. Например:

«Волга впадает в Каспийское море».

А ведь это — география! И оттого, что к этой истине, мертвой для мысли и интереса, прибавляются тысячи других, как, например, «Мыс Горн — есть самая южная точка Южной Америки», «Тибет — самое высокое в мире плоскогорье», «Амазонка многоводна», «Гренландия велика» и пр. и пр., — от всего этого только расширяется объем удручающей тоски. О какой занимательности можно говорить в этом океане удручения?

Возьмемте один-два моментальных фотографических снимка с географии, с той географии, что еще не так давно преподавалась в наших школах. Вот один снимок XIX века. Его пишет воспитанница Московского училища св. Екатерины:

«Учитель тщетно старался побороть невыносимую сухость учебников, ему хотелось придать жизнь своему обширному предмету, но не было ни подготовки, ни руководств, и, махнув рукой, он (учитель) приказывал попросту заучить страницу в книге, что бы там ни было. Помню, что в такие грустные дни он больше обращался к географии Испании или Америки.

«Такая-то (вызывал он). И, например, я бойко высыпаю имена испанских провинций. Галиция, Астурия, Арагония (иногда Патагония) ... Переверу еще пяток имен и долетаю до Майорки и Менорки¹.

«Такая-то (снова вызов). Какие племена населяют Северную Америку? — И вот девица крестит кого-то в шапсугов и чечен-

¹ Главные из Балеарских островов у восточного побережья Испании.

цев ... — Ну, а что же еще в Америке? — спрашивает учитель. — Попугаи и кокосы, антилопии, и они любят получать от иностранцев бисер и занимаются мягкой рухлядью»...²

Вы скажете, что все это было давно. А спросите-ка самих себя, не думается ли вам при слове «география» сухо и мертво:

«Волга впадает в Каспийское море».

«Нева вытекает из Ладожского озера».

«Финский залив находится в восточной части Балтийского моря». И прочее, и прочее.

А теперь посмотрим, почему Л. Н. Толстой заступился за Митрофанушку.

Конечно, вам хорошо известна комедия «Недоросль». Вы видите перед собой и Митрофанушку и его почтенную мамашу — Простакову. И видите, как «задалбливает наизусть» перекормленный недоросль ряд ответов на вопросы: где находится то-то и то-то? Сынолюбивая мамаша не выдерживает. Она с гневом восклицает:

² Автор воспоминаний этим показывает, к каким уродливым результатам приводила «зубрежка»: Патагония, которая находится на юге Южной Америки, помещалась в Испанию, а чеченцы с Кавказа перемещались в Северную Америку.

Конец фразы относительно бисера и мягкой рухляди относится, конечно, к населению Северной Америки, а не к ее животным. Но механическое заучивание названий и имен не заботится о смысле; механически заученное механически же и произносится; отсюда часто — смешная нелепость.

«Дворянское ли это дело — учить географию? А извозчики-то на что?»

С тех пор, как появился «Недоросль», прошло много времени, и все думали про слова Простаковой приблизительно так:

«Чего только не скажет невежественная мать в защиту невежественного сына! Географию, видите ли, не надо учить, раз существуют извозчики!»

Но вот крупнейший ум, Лев Николаевич Толстой, организовав в Ясной Поляне школу и обучая своих учеников географии, — то есть Волге, впадающей в Каспийское море, — печатно высказал в своих записках:

«Нет ничего умнее и вернее того, что сказано о географии Простаковой. И все географы мира ничего против этого утверждения Простаковой возразить не смогут».

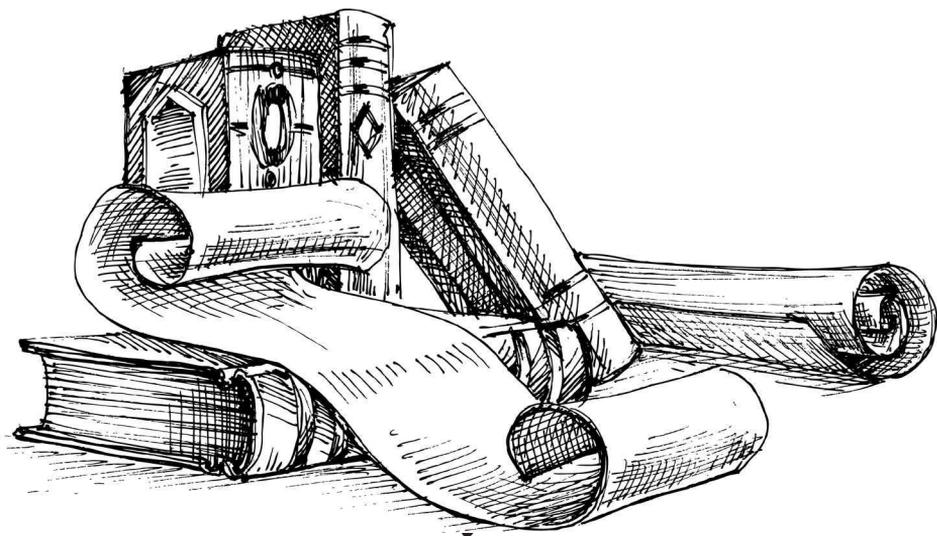
Географы старой школы обиделись. А географы новой школы высказали сильнейшую радость по поводу того, что Толстой сказал совершенную истину. Такая география, которая велит запоминать только названия и которая отвечает исключительно на вопрос «где?» — никуда не годна. Для этого существуют справочники.

А заучивать на память справочники — глупо.

Что же такое география?

Вам знакома, быть может, интересная головоломка, которая состоит в наборе фигурок различных форм и очертаний. Надо долго вертеть в руках эти фигурки, пробовать приставлять одну к другой то боком, то наискось, то сверху, то снизу, чтобы отыскать такие две их стороны, из которых каждая вплотную придется к соседней. Две фигурки составлены. К ним присоединяется таким же долгим путем третья, четвертая, пятая и так далее. В конце концов, из фигурок совершенно различных форм составит-ся цельная, единая сложная картина-фигура — четырехугольник, круг, эллипс и так далее.

География похожа на эту головоломку. Перед вами куча отдельных «фигурок» — самых разнообразных. Одна из них —

поверхность; другая — климат. И вот, у поверхности есть черты, которые могут быть связаны с климатом так прочно, как причина и следствие. Поверхность высока — климат прохладный; с другой стороны, склон высок — много дождя. Обратно: много дождя — склон сильно размыт...

Вы прибавляете третью «фигуру». Предположим, это — река.

У вас три фигуры; теперь вам надо снова переставить две прежние, чтобы третья могла соединиться с ними обеими тоже так же прочно, как причина и следствие. Поверхность крайне неровна — беспокойно течение рек; участки спокойного и плавного движения переходят резко и часто в быстрины, даже, может быть, в пороги. Климат дождливый — река всегда многоводна, возможно судоходство и по быстринам. Климат резко континентален — и совершенно прекращается судоходство в сухой период: на быстринах камни выступают над поверхностью реки.

Сколько же всех таких «фигурок»?

Не так много, и они хорошо известны. Вот главные: *поверхность, климат, воды, растительный и животный мир, человек.*

Что такое окончательная, составная фигура? Это и есть **география**. География любо-

го места: района, края, государства, всей Земли. Слово «человек» недаром набрано курсивом. Человек ведь может подойти, так сказать, с пустыми руками; у него может не быть ни инструментов, ни орудий, ни капиталов, ни знаний. Тогда он скромненько приладится сам к картине природы.

Но такой случай редок. В большинстве случаев человек приходит и с орудиями, и с капиталом, и с знаниями — в каждом отдельном месте с разными орудиями, с разными знаниями. Тогда он прилаживается к природе совсем по-другому: он изучает ее и потом переделывает ее.

Климат слишком влажный? Человек отведет излишнюю воду дренажными канавами и засеет культурами ту землю, которая без его вмешательства была бы болотом.

Климат слишком сухой? Человек воспитает культуры, приспособленные к сухости, и полупустыню превратит в культурный уголок.

Продолжать дальше нет необходимости: все дальнейшие страницы этой книги и есть продолжение. Книга как раз и рассказывает и про отдельные «фигурки» и про сложные окончательные «фигуры». Разобрать эти сложные «фигуры», увидеть ясно и точно, почему и как сложены они из отдельных фактов и явлений, — и есть настоящая задача настоящей географии.

Учить наизусть названия — глупо. Для этого действительно есть «извозчики», то есть справочники. И, конечно, заглавие этой статьи не верно: Толстой не за Митрофанушку заступился, — за Митрофанушку заступилась только Простакова; Толстой заступился за человека; человек должен мыслить, а не зубрить.

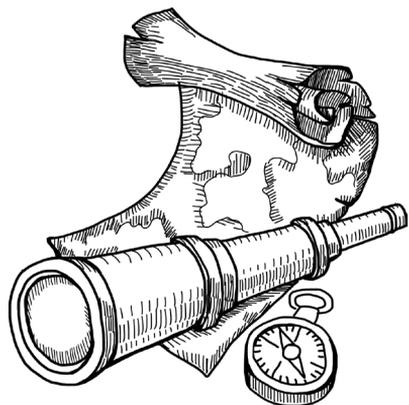
География учит не зубрить названия, а понимать их. Всякое географическое название обозначает сложную жизнь. И тот, кто выучил только название, знает только корешок книги, а не самое книгу. А кто

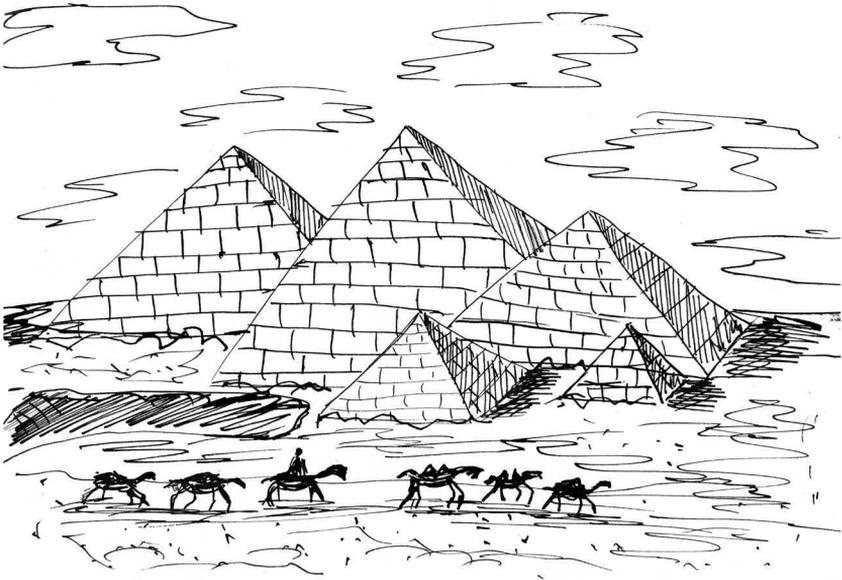

название перепутает, тот перепутал жизнь и, значит, ничего уже не понимает, пожалуй, и до Митрофанушки не дорос.

Остается сказать два слова. Подзаголовок статьи говорит: «вместо предисловия». Надо еще прибавить: «а также вместо послесловия».

В предисловии география — головоломка, может быть, и не совсем еще понятная. Хочется надеяться, что она будет совершенно понятной, когда книга будет прочитана.

ПОД ВЛАСТЬЮ ТАЙНЫ

Поколения за поколениями жили и умирали на берегах Великой реки, и Нил продолжал оставаться тайной. Откуда он?

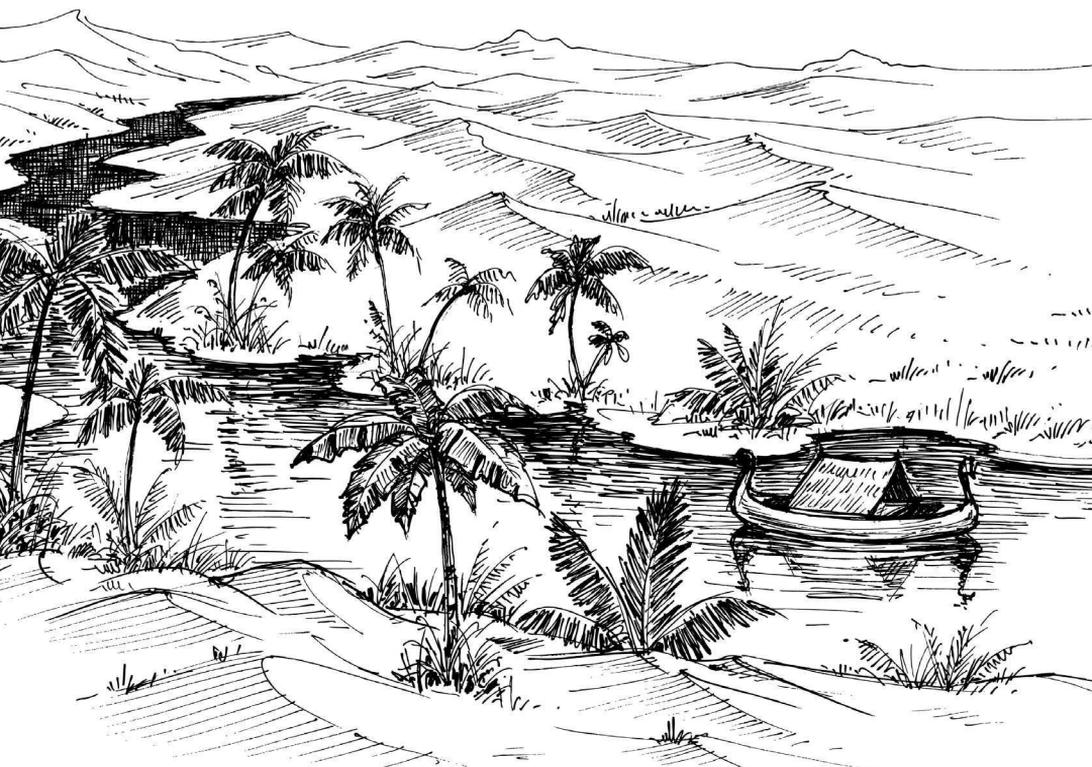
Никто не знает. Река течет с юга, но у южной границы Египта она стиснута и пересечена горами, и тут — бурные «катаракты», то есть пороги Нила. Они ставят препятствия судоходству, и что за ними, туда, дальше к югу, — никто не знает. Река течет на север, а там теряется в безбрежном Средиземном море. О, конечно, у Средиземного моря есть берега. Но мы говорим про древний Египет, про то время, когда моря не соединяли материки, как теперь, а разъединяли их.

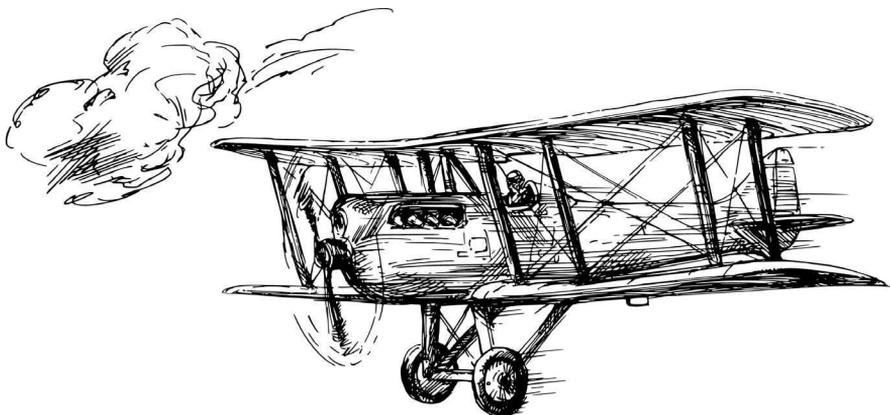
Море, где кроме воды ничего не видно, отпугивало людей. Только усеянные островами моря постепенно научили людей морскому судоходству.

Итак, река из неизвестности приходит, в неизвестность же и уходит.

Тайна крепнет, если обратиться на восток и на запад. На востоке — раскаленная каменная Нубийская пустыня, непосредственно примыкающая к реке, а дальше к востоку, через узкое Красное море, такая же раскаленная Аравийская пустыня. На западе — иссушенная глинистая и песчаная Ливийская пустыня.

И именно среди них, прорезаясь через них, протекает Нил. Общую картину Египта

легко себе конкретно представить, если воспользоваться следующим описанием, сделанным одним английским летчиком, который на аэроплане пролетел над всей Африкой, начиная с самой северной ее точки и кончая самой южной.

«Египет, — пишет летчик, — рассматриваемый с аэроплана с высоты в несколько тысяч футов, представляется глазу, как гигантская река, протекающая через пустыню. Только вместо того, чтобы быть рекой воды, он является, как широкий пояс зеленой растительности, в середине которой глаз видит блестящую ленту; эта блестящая лента есть сама река Нил, которая и составляет подлинную жизнь Египта»¹.

Прохладой веет от реки и от ее покрытой зеленью долины, а справа и слева от этой

¹ Alan Cobham. — «Across Africa by Aeroplane». «Pearson's Magazine», July, 1926.